

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

(Род. 28 августа 1828 г. † 7 ноября 1910 г.).

Великое горе постигло Россію въ истекшемъ мѣсяцѣ. 7 ноября, въ 6 час. 5 мин. утра, на станціи Астапово, Рязанско-Уральской жел. дороги, скончался и 9 ноября погребенъ въ Ясной Полянѣ нашъ величайшій писатель, графъ Л. Н. Толстой. Обстоятельства, которыми ознаменовались послѣдніе, столь тревожные, еще свѣжіе въ памяти всего русскаго общества, дни его жизни, будутъ, когда для того наступитъ время, безпристрастно освѣщены исторіей. Приведемъ краткій, строго-фактическій рассказъ оказавшихъ Толстому медицинскую помощь врачей объ этихъ печальныхъ дняхъ и о кончинѣ великаго человека.

„28 октября, какъ извѣстно, Л. Н. оставилъ Ясную Поляну. Рѣшеніе уѣхать было имъ принято послѣ продолжительной и тяжелой душевной борьбы. Состояніе его здоровья было удовлетворительное, хотя онъ чувствовалъ себя физически нѣсколько слабымъ. Изъ Ясной Поляны Л. Н. направился черезъ Чекино въ Горбачево, откуда до Козельска ѣхалъ въ тѣсномъ, переполненномъ, душномъ вагонѣ 3-го класса, прицѣпленномъ къ товарному поѣзду. Чтобы освѣжиться, онъ часто выходилъ на площадку. Изъ Козельска Л. Н. собирался поѣхать къ своей сестрѣ Марьѣ Николаевнѣ въ Шемардинъ монастырь, отстоящій въ 18 верстахъ отъ станціи. Но такъ какъ было поздно и Л. Н. былъ утомленъ дорогой, то онъ рѣшилъ переночевать въ Оптиной пустыни, въ 5-ти верстахъ отъ Козельска. На другой день, отдохнувши, Л. Н. поѣхалъ къ своей сестрѣ въ Шемардинъ, гдѣ ночевалъ и провелъ весь день 30 октября. Вечеромъ онъ жаловался на нѣкоторую слабость и недомоганіе, но, тѣмъ не менѣе, 31-го, рано утромъ, несмотря на дурную погоду, въ сопровожденіи своей дочери Александры Львовны и ея подруги — В. М. Феоктистовой, пріѣхавшей къ нему наканунѣ, и Д. П. Маковицкаго, который его сопровождалъ все время, уѣхалъ на лошадахъ въ Козельскъ (18 верстъ); отсюда по Рязанско-Уральской жел. дор. по направленію на Богоявленскъ, чтобы далѣе слѣдовать въ Ростовъ-на-Дону. До полудня въ вагонѣ Л. Н. чувствовалъ себя довольно

хорошо, а затѣмъ сталъ жаловаться на ознобъ. Поставленный термометръ показалъ 38,6. Въ виду лихорадочнаго состоянія и слабости Л. Н. рѣшено было оставить поѣздъ и высадиться на ближайшей большой станціи. Этой станціей оказалось Астапово, гдѣ начальникъ станціи И. И. Озолинъ любезно предложилъ помѣщеніе въ своей квартирѣ, въ отдѣльномъ домѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала. Л. Н. чувствовалъ себя уже настолько слабымъ, что съ трудомъ дошелъ до квартиры. Здѣсь онъ сдѣлалъ разныя распоряженія, и затѣмъ съ нимъ произошелъ непродолжительный (около минуты) припадокъ судороги въ лѣвой рукѣ и лѣвой половинѣ лица, сопровождавшійся обморочнымъ состояніемъ. Послѣ этого его уложили въ постель. Къ ночи температура поднялась до 39,8; появился кашель, насморкъ, боли въ ногахъ, перебой пульса.

Въ ночь съ 31 октября на 1 ноября Л. Н. спалъ очень плохо. Къ утру температура спала до 36,2. Л. Н. чувствовалъ большую слабость. Весь день лежалъ въ постели, диктовалъ свои мысли, писалъ дневникъ, слушалъ чтеніе. Къ вечеру снова появился ознобъ, температура поднялась до 39,1. Л. Н. жаловался на боль въ лѣвомъ боку при дыханіи, кашлялъ и ночью откашливалъ ржавую мокроту (съ примѣсью крови). Пульсъ былъ выше 100 съ перебойми. Было предположено воспаленіе легкихъ, положенъ согрѣвающій компрессъ, назначено вино.

Въ ночь на 2 ноября Л. Н. спалъ плохо, стоналъ, страдалъ отъ изжоги, кашлялъ. Утромъ температура была 37,2. Чувствовалъ себя весь день слабымъ. Изслѣдованіемъ установлено воспаленіе нижней доли лѣваго легкаго и предположенъ небольшой воспалительный фокусъ въ правомъ легкомъ. Пульсъ 100, 110, съ перебойми. Вечеромъ температура 39,1; ничего не ѣлъ, впадалъ въ забытѣе. Изъ лекарствъ давали строфантъ и вино.

Ночь на 3 ноября Л. Н. спалъ очень плохо, почти все время бредилъ, кашлялъ, снова отхаркнулъ ржавую мокроту, стоналъ, страдалъ отъ изжоги. Утромъ температура—36,7. Л. Н. значительно ослабѣлъ. Языкъ былъ сильно обложенъ, сухъ. Аппетита не было. Печень была нѣсколько увеличена, болѣзненна, въ особенности ея лѣвая доля; животъ—нѣсколько вздутъ. Констатированъ воспалительный фокусъ въ нижней долѣ лѣваго легкаго подъ лопаткой. Въ правомъ легкомъ—явленіе бронхита и застоя. Сердце расширено. При выстукиваніи слышались притупленные звуки вправо до середины грудины, влѣво—до сосковой линіи. Тоны груди выслушивались не отчетливо. Пульсъ 100, 120 съ частыми перебойми. Пульсовые волны неравномѣрны, многія пропадали. Въ мочѣ значительное количество бѣлка. Сознаніе ясное. Днемъ Л. Н. лежалъ,

читалъ въ послѣдній разъ свой дневникъ, диктовалъ свои мысли, просилъ читать ему вслухъ. Почти ничего не ѣлъ. Лечение: согревающей компрессъ, строфантъ, вино, камфора подъ кожу. Пилъ глотками „Виши“. Температура вечеромъ 37,8. Дѣятельность сердца къ вечеру нѣсколько улучшилась.

Ночь на 4 ноября провелъ очень тревожно. Всю первую половину ночи бредилъ, стоналъ. Утромъ температура 38,1; слабость увеличилась. Л. Н. уже не писалъ дневника. Изрѣдка пытался диктовать свои мысли. Бредилъ днемъ. Воспалительный процессъ въ легкомъ безъ перемѣны. Изрѣдка кашлялъ и отхаркивалъ желтоватую густую мокроту въ очень небольшомъ количествѣ. Частота дыханія увеличилась до 36. Дѣятельность сердца слабая. Пульсъ чаще (120, 130), перебоевъ больше. Отказался отъ пищи и лекарства. Сильная изжога и жажда. Пилъ немного молока и „Виши“. Были позывы къ мочеиспусканію. Моча мутная, содержала довольно много бѣлка. Днемъ—большая слабость. Во время пробужденія отъ сна сознание вполне ясное. Говорилъ очень мало. Мало интересовался окружающимъ. Лечение: камфора (4 раза), кодеинъ (2 раза) подъ кожу, вино, клизма. Температура вечеромъ 38,4. Появилась рѣдкая икота.

Въ ночь на 5-е почти не спалъ. Былъ очень возбужденъ. Все бредилъ, метался въ постели, то садился, то снова ложился. Говорилъ невнятно. Сильная одышка (40,44), плохой, слабый пульсъ. Ночью—два впрыскиванія 2-хъ-процентнаго раствора камфоры. Утромъ температура 37,1. При выслушиваніи сердца разстройство ритма (эмбриокордія), угнетенное и подавленное состояніе. Тѣмъ не менѣе сознание ясное. Восприимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ не понижена. Почти на всѣ предложенія пищи отвѣчалъ отказомъ и просилъ возможно меньше тревожить его. Не позволялъ себя перекладывать на другую постель. Весь день икота. За день впрыснуто 2 шприца дигалена, три—камфоры, 1—кодеина. Температура вечеромъ 37,4.

Первую половину ночи на 6-е ноября спалъ довольно спокойно, вторую—тревожно, громко стоналъ отъ икоты, отъ изжоги. Пульсъ былъ слабый, частый, съ большими перебоями... За ночь впрыснуто два шприца камфоры. Температура утромъ 37,2; большая слабость, одышка, икота. Утромъ подъ кожу впрыснуть дигалень и камфора. Около полудня состоялся консилиумъ съ докторами Щуровскимъ и Усовымъ. При изслѣдованіи найдено:—воспалительный процессъ въ легкомъ въ прежнемъ положеніи. Дѣятельность сердца слабая. Значительное число пульсовыхъ волнъ не доходить.

Размѣры сердца прежніе. Ритмъ сердца неправиленъ (эмбіокордія), икота, животъ мягкій. Въ мочѣ бѣлокъ, слабость, сознание ясное. Около двухъ часовъ дня неожиданное возбужденіе. Сѣлъ на постель и громкимъ голосомъ внятно сказалъ окружающимъ: „*Вотъ и конецъ, и ничего*“, а затѣмъ: „*Только одно и прошу вспомнить: на свѣтъ пропасть народу, кромѣ Льва Толстого, а вы помните одного Льва*“.

Вслѣдъ за этимъ наступилъ рѣзкій упадокъ сердечной дѣятельности, пульсъ едва-едва ощущивался. Появилась синева (ціанозъ) ушей, губъ, носа, ногтей. Конечности похолодѣли. Впрыснуты два шприца камфоры, одинъ кодеина. Примѣнено дыханіе кислородомъ и согрѣваніе конечностей. Понемногу пульсъ сталъ улучшаться. Ціанозъ исчезъ, и больной заснулъ. Къ вечеру самочувствіе было нѣсколько лучше. Сдѣлано впрыскиваніе дигалена, затѣмъ камфоры и поставлена теплая клизма въ 200 гг. соляного раствора. Л. Н. попросилъ ѣсть. Выпилъ въ теченіе вечера три маленькихъ стаканчика молока и сѣлъ немного овсянки. Сознание было вполне ясное. Но къ концу усилилась икота и одышка.

Послѣ полуночи одышка дошла до 60 дыханій въ минуту. Икота участилась еще больше. Л. Н. сталъ стонать, метаться на постели, вскакивать. Состояніе тоски, недостатка воздуха и икоты было настолько мучительно, что было рѣшено впрыснуть 0,01 камфоры (въ 12 час. 15 мин. ночи). Л. Н. заснулъ. Икота прекратилась. Одышка уменьшилась до 36. Въ 2 часа ночи пульсъ, несмотря на впрыскиваніе камфоры, сталъ падать, сдѣлался нитевиднымъ. Предпринято впрыскиваніе сильнаго раствора, но замѣтнаго вліянія на пульсъ это не оказало. Тѣмъ не менѣе, сознание еще сохранилось. Л. Н. реагировалъ на оклики. Сдѣлалъ одинъ, два глотка предложенной воды. Въ виду опасности положенія, была приглашена вся семья. Въ 5 часовъ утра пульсъ сталъ пропадать, дыханіе сдѣлалось поверхностнымъ, и въ 6 час. 5 мин. утра по московскому времени Л. Н. тихо, безъ страданій, скончался, окруженный женой, дѣтьми и друзьями.

Смерть Л. Н. послѣдовала отъ быстро наступившаго упадка сердечной дѣятельности. Во время прежнихъ тяжелыхъ заболѣваній дѣятельность сердца также бывала очень ослабленной, но, благодаря своему крѣпкому организму и, главнымъ образомъ, необычайнымъ душевнымъ силамъ, Л. Н. выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы. Это давало надежду, что и на этотъ разъ сильный организмъ Л. Н., хотя и постарѣвшій, но достаточно крѣпкій, побѣдитъ инфекцію. Однако, по нашему мнѣнію, сильныя душевныя потрясенія послѣд-

няго времени и утомленіе отъ необыкновеннаго путешествія настолько ослабили нервную систему и сердце Л. Н., что болѣзнь приняла сразу тяжкій характеръ и привела къ роковому концу. Всѣхъ ухаживавшихъ за нимъ Л. Н. трогалъ своею ласковостью и нѣжнымъ отношеніемъ, которое никогда не изгладится у тѣхъ, кому на долю выпало счастье послужить Льву Николаевичу въ послѣдніе дни его жизни. Д. П. Маковицкій, Д. В. Никитинъ, Г. М. Беркенгеймъ. Ясная Поляна, 9 ноября 1910 г.“

Тяжелою скорбью отозвалась вѣсть о кончинѣ Л. Н. Толстого въ сердцахъ всего человѣчества, а особенно родного народа. Горе Россіи нашло выраженіе въ словахъ Государя Императора. На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ графа Л. Н. Толстого Его Императорское Величество соизволилъ начертать нижеслѣдующія слова:

„Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго, во времена расцвѣта своего дарованія, въ твореніяхъ своихъ родные образы одной изъ главнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судьею“.

Вслѣдъ за Монархомъ память усопшаго почтили высшія законодательныя учрежденія. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 10 ноября предсѣдатель д. т. с. М. Г. Акимовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„7-го текущаго ноября при совершенно исключительныхъ, доходящихъ до трагизма обстоятельствахъ, скончался на 83-году своей жизни графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Оставляя въ сторонѣ сочиненія его по вопросамъ религіознымъ и политическимъ, вызвавшимъ какъ со стороны православной церкви, такъ и со стороны консервативныхъ круговъ нашего общества суровое осужденіе, никто, однако, не можетъ отрицать того, что другія произведенія пера усопшаго обезсмертили его имя, стяжавъ ему всемірную славу великаго, геніальнаго писателя. Этими послѣдними произведеніями восторгались и будутъ восторгаться многія поколѣнія. Россія, какъ родина графа Толстого, должна сильнѣе другихъ странъ чувствовать тяжесть утраты родного ей генія. Изъ словъ, начертанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ о кончинѣ Льва Николаевича, видно, что чувство глубокаго сожалѣнія о смерти великаго писателя проявлено съ высоты Престола нашего отечества. Господа, передъ свѣжей могилой не время являться судьями надъ вольными и невольными заблужденіями графа Толстого въ его сочиненіяхъ. Непреложнымъ остается одно: Россія въ лицѣ Льва Николаевича

утратила гениальнѣйшаго писателя и величайшаго художника русскаго слова. Вотъ, милостивые государи, основанія, обязывающія меня предложить Государственному Совѣту почтить вставаніемъ память великаго писателя земли русской Льва Николаевича Толстого“.

Такъ же почтила его память вставаніемъ и перерывомъ занятій на одинъ день Государственная Дума.

Палата депутатовъ дружественной намъ Франціи оказала такое же вниманіе памяти великаго писателя, а французскій министръ народнаго просвѣщенія прислалъ нашему министру, г. Кассо, телеграмму съ выраженіемъ глубокаго соболѣзнованія горю, постигшему мыслящую Россію.

Смерть графа Л. Н. Толстого произвела глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ. Больше того: она вызвала единодушный идеалистическій подъемъ духа во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и въ самой скорби своей Россія можетъ утѣшаться гордымъ сознаніемъ, что усопшій великій геній принадлежитъ прежде всего ей и лишь потомъ — остальному человѣчеству.

Трогательно выразилъ и чувство горя, и опредѣлилъ вообще значеніе Толстого А. Э. Кони, пользовавшійся его дружескимъ расположеніемъ: „Можно было не видѣть его, не знать его, не читать его, можно было не соглашаться съ нимъ, — но надо было знать, что онъ живетъ, и тогда легче было жить намъ“.

„Въ мірѣ — покойникъ“, писалъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. „Когда въ домѣ покойникъ, — благоговѣйная, молитвенная тишина воцаряется въ домѣ. Сейчасъ у насъ, въ Россіи, покойникъ. И не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, — у насъ на землѣ, — повсюду, гдѣ знали имя Толстого, куда проникало его вѣщее, міровое слово. И надъ всей Россіей, надъ всѣмъ міромъ пронесется историческій мигъ благоговѣйной, молитвенной тишины. Милліоны человѣческихъ душъ сольются въ одномъ чувствѣ, глубокомъ и высокомъ, скорбномъ и лучезарномъ: умеръ другъ человѣчества, но онъ бессмертенъ; осиротѣло человѣчество, но въ этотъ мигъ оно чувствуетъ свое единство, какъ давно не чувствовало, и яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознаетъ идеальную цѣль, къ которой оно должно стремиться. Гробъ Толстого, какъ и его жизнь, — символъ братства народовъ, всечеловѣческаго единенія, — идеальный центръ тяготѣнія человѣка къ человѣку. Милліоны могли оставаться глухи къ ученію Толстого, могли не раздѣлять его идей, но его голосъ, звучавшій во всѣхъ частяхъ свѣта, внушалъ людямъ неотразимую мысль, что они братья, и что ихъ жизнь должна быть основана на началахъ евангельской любви. Не умолкъ и не умолкнетъ этотъ голосъ. Въ

настоящую торжественную минуту, среди благоговѣйной тишины, когда въ мірѣ—покойникъ, человѣческой идеалъ, проповѣди котораго посвятилъ Толстой свою жизнь, витаешь надъ всѣми нами, сынами земли, и наша всемірная скорбь озаряется отблескомъ великихъ упованій, лучезарнымъ свѣтомъ безсмертнаго имени великаго друга человечества“.

Въ своей рѣчи, произнесенной въ посвященномъ памяти Л. Н. Толстого торжественномъ собраніи въ петербургской консерваторіи, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій опредѣлилъ Толстого какъ *русскаго* генія. „Ни одинъ изъ русскихъ писателей въ такой степени не сотканъ изъ національныхъ элементовъ русской стихіи, какъ Л. Н. Толстой, и никто съ такой исчерпывающей полнотой не выразилъ ее, какъ онъ. Складъ мысли, натура, характеръ, процессъ творчества, способности реагированія на жизнь—все то, что составляетъ психологическую форму національнаго типа,—процессы мысли и воли — у Толстого необыкновенно русское. И не только въ художественной своей дѣятельности, отмѣченной тѣмъ специфическимъ русскимъ реализмомъ, который въ русскихъ писателяхъ непобѣдимъ даже тогда, когда они романтики, но и какъ мыслитель, Толстой глубоко націоналенъ. Его религіозность, его мечты и утопіи — все проникнуто чувствомъ русской дѣйствительности, объемлющей, какъ стихія, русскаго писателя. Но если психологическая форма Толстого есть достояніе Россіи, содержаніе идей его—достояніе всего человечества. Такова привилегія геніевъ, что результаты и плоды ихъ насквозь національнаго творчества — Дарвинъ, Кантъ, — служатъ на пользу всему человечеству. Иногда бываетъ и такъ, что плодами національнаго генія пользуются только другіе народы, въ то время, когда родинѣ они остаются чуждыми. Все человечество,—заклучилъ ораторъ,—весь міръ чутко присматривается къ Толстому. Прислушаемся же и мы къ этому голосу, голосу любви и правды. Когда-нибудь, быть можетъ, мы узримъ его плоды“.

Профессоръ С. А. Адриановъ въ этомъ собраніи началъ свою рѣчь съ вѣщаго предсказанія Ф. М. Достоевскаго на пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ въ 1880 г.,—что Россія скажетъ міру свое новое слово. „Это новое слово, которое прозвучало отъ края до края“,—продолжалъ ораторъ—„принадлежитъ Льву Толстому. Когда появилась „Анна Каренина“, за этимъ романомъ сразу признано было огромное значеніе. Но Достоевскій зналъ, что здѣсь еще не весь Толстой, и что нѣчто огромное, что сдѣлаетъ его имя всемірнымъ, еще впереди. Это вся жизнь Толстого, необъятная, какъ природа. И Тургеневъ почувствовалъ въ Толстомъ неизмѣримаго колосса и на смертномъ одрѣ умолялъ его не покидать своего великаго поприща. Онъ

первый назвалъ его „великимъ писателемъ земли русской“. И, дѣйствительно, Толстому, больше чѣмъ кому-либо изъ русскихъ геніевъ, принадлежитъ право именоваться великимъ. Толстой, во всей своей цѣлости, безбреженъ, какъ океанъ, и необозримъ, какъ русскія поля. Не даромъ онъ сливался съ природой, чувствовалъ ея дыханіе и претворялъ ее въ своихъ несравненныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Толстой не любилъ города потому, что городская жизнь заслоняла природу, порывала непосредственную связь съ нею. Здѣсь, на лонѣ природы Толстой чувствовалъ общеніе съ Богомъ, со всѣмъ міромъ; здѣсь зарождались его великія идеи, его тоска по Богѣ, которая, пройдя черезъ горнило его души, сообщалась всему міру, будила совѣсть и двигала къ совершенству. Онъ звалъ всѣхъ къ человѣческому усовершенствованію, къ подвигу во имя преображенія жизни, во имя живущаго въ насъ Бога совѣсти. Изъ сердца народа Толстой извлекъ свою великую вѣру и понесъ ее въ міръ. Трудно постигнуть Толстого въ цѣломъ, какъ необычайно сложное явленіе, какъ трудно постигнуть сущность міра. Пройдетъ еще много времени, пока міровоззрѣніе Толстого воплотится въ жизнь. Но сѣмена брошены, всечеловѣческая совѣсть взбудоражена Толстымъ во всемъ человѣческомъ мірѣ, и всходы будутъ. Поэтому, какъ бы ни было мрачно вокругъ насъ, какая бы тяжелая атмосфера насъ ни окружала, намъ нечего отчаяваться. Разъ Россія дала міру такого сына, какъ Толстой—его Богъ восторжествуетъ, преображеніе людей совершится“.

Эту свѣтлую надежду питалъ до послѣдняго вздоха самъ Толстой, и она облегчила его послѣднія минуты. Наканунѣ кончины, въ минуты просвѣтлѣнія, онъ, передаютъ газеты, диктовалъ свои мысли, носившія отрывочный характеръ, о ложномъ мнѣніи и неправильномъ сужденіи людей, отчего происходитъ неправильная жизнь. *„Я самъ, — диктовалъ Левъ Николаевичъ, — уйду изъ жизни, но останутся люди, которые сознаютъ истинный смыслъ жизни, и имъ суждено будетъ осуществить то, къ чему стремился я въ теченіе своей жизни, и что мнѣ не удалось“.* Нелишнее будетъ привести въ нашемъ отчетѣ краткій обзоръ литературной дѣятельности Л. Н. Толстого, составленный А. Г. Фоминымъ („Рѣчь“, № 307).

„За свою долгую жизнь Толстой написалъ громадное количество самыхъ разнообразныхъ произведеній. Нѣтъ почти явленія жизни, на которое не откликнулась бы эта чуткая натура. По послѣднему подсчету 1908 г. всего написано Толстымъ болѣе 250 произведеній. Принято думать, что первые серьезные интересы Толстого къ жизни и наукѣ начались лишь послѣ годовъ студенчества. Но есть авто-

ритетное свидѣтельство самого Толстого о томъ, что уже въ университетѣ у него пробудились серьезные интересы. Толстой говорить, что въ университетѣ—„я въ первый разъ сталъ серьезно заниматься и нашелъ въ этомъ даже нѣкоторое удовольствіе. Сверхъ факультетскихъ предметовъ, изъ которыхъ энциклопедія права и уголовное право заинтересовали меня; Мейеръ, профессоръ гражданского права, задалъ мнѣ работу: сравнить „Esprit des lois“ Montesquieux съ „Наказомъ“ Екатерины, и эта работа очень заняла меня“. Это свидѣтельство Толстого весьма важно, показывая, что интересы его опредѣлились уже въ годы студенчества.

Видную роль въ жизни Толстого отъ 14 до 21 года играли литературные интересы. Сохранился списокъ, въ которомъ Толстой отмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на него различными книгами. „Огромное вліяніе имѣли Евангеліе Матѳея, „Confession“ и „Emile“ Руссо, „Давидъ Копперфильдъ“ Диккенса, „очень большое“ вліяніе оказали „Сантиментальное путешествіе“ Стерна, Nouvelle Héloïse“ Руссо, „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина, „Разбойники“ Шиллера, „Мертвыя души“ Гоголя, „Записки охотника“ Тургенева, „Полинька Саксъ“ Дружинина, „Антонъ Горемыка“ Григоровича и „Герой нашего времени“ Лермонтова. Это говорить не только о томъ, подъ какими вліяніями слагалось міросозерцаніе Толстого, но и свидѣтельствуешь, какъ широки были его литературные интересы уже въ юности.

Кавказъ, куда уѣхалъ Толстой весной 1851 г., далъ богатые впечатлѣнія, которыя воплотились въ „Набѣгъ“, „Казакахъ“, „Рубль лѣса“ и „Встрѣчѣ въ отрядѣ“. На Кавказѣ Толстой весь отдается созданію „Дѣтства“; оно было результатомъ долгой работы, которая переплеталась съ мучительнымъ внутреннимъ процессомъ, составляло съ нимъ нѣчто единое, цѣлостное. Окончено было „Дѣтство“ въ началѣ іюля 1852 г. и первоначально носило характерное заглавіе: „Исторія моего дѣтства“. Анализъ внутренняго міра, стремленіе разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и переживаніяхъ, мучительная жажда осмыслить жизнь, что составило характерную сторону творчества Толстого, уже сказалось въ первомъ произведеніи, гдѣ психологическій анализъ занимаетъ главное мѣсто. Въ іюль 1852 г. Толстой отправилъ „Дѣтство“ въ „Современникъ“, подписавъ тремя буквами: Л. Н. Т. Получивъ рукопись отъ неизвѣстнаго лица, Некрасовъ сразу почувствовалъ, что предъ нимъ будущій крупный художникъ, и тепло привѣтствовалъ Толстого въ своихъ письмахъ къ нему. Поэтъ явился первымъ цѣнителемъ великаго художника, былъ воспріемникомъ его въ литературѣ. Некрасовъ

сейчасъ же далъ ходъ рукописи, и уже въ сентябрѣ она появилась въ „Современникѣ“. „Дѣтство“ произвело громадное впечатлѣніе. Всѣ сразу же обратили вниманіе на это произведеніе, критика поставила Толстого на-ряду съ самыми крупными писателями того времени, Тургеневымъ, Гончаровымъ, Островскимъ, Григоровичемъ. Сразу же признанный критикой, Толстой встаетъ на литературную дорогу и вслѣдъ за „Дѣтствомъ“ пишетъ „Утро помѣщика“ и „Набѣгъ“. Послѣ этого чуткій художникъ съ удивительной художественной проникательностью даетъ въ „Севастопольскихъ разсказахъ“ яркую картину ужаса и трагизма сева­стопольской обороны, которой онъ былъ очевидцемъ. Тонкій и глубо­кій анализъ, ярко проявившійся въ „Дѣтствѣ“, въ полной мѣрѣ обнаружился и въ этихъ разсказахъ. Они произвели еще большее, потрясающее впечатлѣніе, вызвали восторженные отзы­вы критики. О „Севастополѣ въ маѣ“ Некрасовъ писалъ Толстому, что это произведеніе „всегда будетъ свидѣтель­ствовать о силѣ, сохранившей способность къ такой глубокой и трез­вой правдѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ не всякій бы сохра­нилъ ее. Не хочу говорить, какъ высоко я ставлю эту статью и вообще направленіе вашего таланта и то, чѣмъ онъ вообще си­ленъ и новъ. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда—правда, которой со смертью Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ... Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу“... Тургеневъ называлъ въ письмѣ къ Панаеву „Севастополь­кіе разсказы“—„чудомъ“. Если Некрасовъ первый почувствовалъ въ Толстомъ большой художественный талантъ, то Чернышевскій пер­вый, когда художникъ еще не проявилъ себя во всей мощи, уловилъ ту черту, которая является основною для творчества Толстого, про­никательно предсказалъ, отмѣтивъ, что характерная его черта — „чистота нравственнаго чувства“, что де­бютантъ будетъ великимъ писателемъ. „Мы предсказываемъ,—писалъ въ 1856 г. Чернышев­скій,—что все, данное гр. Толстымъ нашей литературѣ, только за­логи того, что совершитъ онъ впоследствии, но какъ богаты и пре­красны эти залого!“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ ноябрѣ 1855 г., Толстой вошелъ въ литературные круги, сошелся съ Некрасовымъ, Тургеневымъ. Но литературная среда не удовлетворила Толстого, показалась чуждой, далекой, и въ началѣ 1857 г. онъ уѣхалъ за границу. За время 1854—1856 гг. Толстой, кромѣ „Севастополя“, написалъ „Отрочество“ (1854), „Рубку лѣса“ (1854), „Юность“ (1855—1857),

„Встрѣчу въ отрядѣ“ (1856), „Метель“ (1856), „Записки маркера“ (1856) и „Двухъ гусаровъ“ (1856). Путешествіе дало Толстому много новыхъ впечатлѣній, онъ создаетъ свой знаменитый „Люцернъ“, который былъ напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ „Современника“ за 1857 г. Возвратившись въ Россію, Толстой пишетъ „Альбертъ“ (1857), „Три смерти“ (1859), „Семейное счастье“ (1859), „Поликушку“ (1860), „Холстомѣръ“ (1861); въ 1862 г. оканчиваетъ „Казакъ“, начатыхъ еще въ 1852 г. Несмотря на то, что послѣ 1856 г. появились замѣчательныя произведенія Толстого, критика къ нему охладѣла; не были опѣнены даже „Люцернъ“ и „Казакъ“—этотъ художественный перлъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Толстой увлекается педагогической дѣятельностью: издаетъ журналъ „Ясная Поляна“, пишетъ цѣлый рядъ педагогическихъ статей: „О народномъ образованіи“, „О методахъ обученія грамотѣ“, „Проектъ общаго плана народныхъ училищъ“, „Воспитаніе и образованіе“, „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“, „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ“. Педагогическія статьи вызвали нападки, идеи Толстого казались лишенными почвы. Въ серединѣ 60-хъ годовъ Толстой горячо отдается созданію произведенія, которое является вѣнцомъ его художественнаго творчества,—„Войны и Мира“. Первый отрывокъ—„1805 годъ“ появился въ печати въ 1865 г.; въ концѣ 60-хъ годовъ вышли всѣ части романа. Эта знаменитая эпопея, гениальная художественность которой впоследствии была признана всѣмъ міромъ, снова поднимаетъ въ русской критикѣ интересъ къ Толстому, но вызываетъ противоположные отзывы — восторженные смѣшаны съ рѣзко отрицательными. Великая художественная мощь „Войны и Мира“ не была сразу признана всѣми. Въ началѣ 70-хъ годовъ Толстой снова обращается къ педагогикѣ, много работаетъ надъ составленіемъ „Азбуки“. Она появляется въ 1872 году, и въ переработанномъ видѣ въ 1875 г. Этотъ новый трудъ Толстого въ области педагогикѣ вызываетъ опять нападки. Въ 1874 г. Толстой печатаетъ въ „Отеч. Зап.“ статью „О народномъ образованіи“, являющуюся откликомъ на эти нападки. Поѣхавъ на помощь голодающимъ въ Самарскую губернію, Толстой помѣщаетъ въ 1873 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ „Письмо къ издателямъ“.

Въ 1873 — 1876 г. г. Толстой создаетъ новое крупное художественное произведеніе—„Анну Каренину“, въ которой такъ глубоко и проникновенно вникъ въ психологію женщины и въ лицѣ Левина ярко изобразилъ назрѣвавшій разладъ въ своей душѣ. Съ появленіемъ „Анны Карениной“ литературная слава Толстого достигаетъ

апогея. „Анна Каренина“, — писалъ Достоевскій, — „есть совершенство, какъ художественное произведеніе, подвернувшееся какъ разъ кстаті, и такое, съ которымъ ничто подобное изъ европейскихъ литературъ въ настоящую эпоху не можетъ сравниться, а во-вторыхъ, и по идеѣ своей это уже нѣчто наше, свое, родное, и именно то самое, что составляетъ нашу особенность передъ европейскимъ міромъ, что составляетъ уже наше національное „новое слово“ или, по крайней мѣрѣ, начало его,—такое слово, котораго именно не слыхать въ Европѣ и которое, однако, столь необходимо ей, несмотря на всю ея гордость“. Духовный процессъ, начавшійся очень рано, завершился въ концѣ семидесятыхъ годовъ мучительнымъ кризисомъ. Съ тѣхъ поръ литературная дѣятельность Толстого еще въ большей степени слилась съ его личностью, съ ходомъ духовнаго развитія. Толстой уходитъ отъ художественнаго творчества въ религію, мораль, философію, публицистику. Съ конца 70-хъ годовъ онъ пишетъ длинный рядъ произведеній, посвященный этимъ вопросамъ и начавшійся „Исповѣдью“ (1879—1882).

Изъ художественныхъ произведеній Толстого второго періода его литературной дѣятельности нужно указать „Смерть Ивана Ильича“ (1886), „Власть тьмы“ (1886), „Крейцерову сонату“ (1889), „Плоды просвѣщенія“ (1889), „Хозяинъ и работникъ“ (1895) и, наконецъ, „Воскресеніе“ (1899).

Глубина психологическаго анализа, тонкое художественное чутье отвели Толстому уже давно одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди міровыхъ художниковъ, онъ признанъ всѣмъ міромъ, какъ замѣчательное явленіе въ исторіи человѣчества. Толстымъ русская литература имѣетъ полное право гордиться предъ Западомъ.

Но не только какъ художникъ, но и какъ моралистъ, Толстой получилъ всеобщее признаніе; нельзя указать среди современниковъ ни одного имени, которое поставило бы такъ остро вопросы жизни, религіи и морали, какъ Толстой. Онъ создалъ себѣ послѣдователей по всему міру. Излишне говорить о той популярности, которой пользуется Толстой; наглядное представленіе о ней даютъ статистическія данныя о распространеніи его произведеній. По приблизительному подсчету, сдѣланному С. А. Венгеровымъ около 10 лѣтъ назадъ, „Собранія сочиненій“ Толстого разошлись въ 80.000 экземплярахъ, „Хозяинъ и работникъ“ — въ 200.000, „Власть тьмы“ — въ 140.000, „Воскресеніе“ — 100.000. Съ тѣхъ поръ эти цифры безмѣрно разрослись. „Война и Миръ“ вышли 15 изданіями, послѣднія печатались въ 15.000 экземплярахъ. Въ одномъ 1908 г. по официальнымъ даннымъ только „Собраніе сочиненій“, „Плоды Просвѣщенія“, „Власть тьмы“, были напечатаны въ количествѣ

20.000 экземпляровъ. Литература о Толстомъ достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Представленіе о количествѣ написаннаго о Толстомъ можно получить по тому одному, что только сухой перечень написаннаго о немъ до 1902 г., сдѣланный Ю. Битовтомъ, составляетъ громадную книгу. 80-лѣтіе Толстого вызвало цѣлый потокъ литературы о немъ. Но не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ Толстой пользуется необычайной популярностью, является, несомнѣнно, самымъ популярнымъ именемъ. Сочиненія его переведены на всѣ литературные языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, шведскій, датскій, норвежскій, голландскій, польскій, чешскій, хорватскій, латышскій, эстонскій, финскій, татарскій, венгерскій, еврейскій и т. д. Нѣкоторыя произведенія вышли во многихъ изданіяхъ. Безконечно велико и количество статей о Толстомъ, появившихся на иностранныхъ языкахъ. Понятіе объ этомъ даетъ большой списокъ, помѣщенный въ „Каталогѣ толстовской выставки“, хотя въ этомъ списокѣ зарегистрирована далеко не вся литература.

Лучшая часть поэтическаго наслѣдія Толстого, его „Севастополь“, „Казаки“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Набѣгъ“, „Два гусара“ (не опубликованъ еще „Хаджи-Муратъ“) и, наконецъ, главные вершины его творчества, „Война и Миръ“ и „Анна Каренина“, неразрывно связаны съ исторіей родной земли. „Толстой—офицеръ и на войнѣ“, говоритъ объ этой сторонѣ его творчества П. Красновъ („Русскій Инвалидъ“, № 244). „Онъ въ Севастополѣ—онъ видитъ раны и кровь, онъ видитъ войну такъ, какъ она есть. Онъ отличается храбростью, отлично служить. Сначала появляются „Севастопольскіе рассказы“, но война—такое міровое явленіе, которое оставляетъ надолго, если не на всегда, слѣдъ въ жизни всякаго человека, а чуткую, воспріимчивую душу Толстого она должна была настроить совершенно особенно. Въ 1856 году, обиженный тѣмъ, что не получилъ вполнѣ заслуженной награды, Толстой подаетъ въ отставку и въ 1864 году садится за свой величайшій трудъ: за романъ „Война и Миръ“. Пять лѣтъ, по 1869 годъ, онъ писалъ этотъ романъ, охватившій на полотнѣ своемъ событія съ 1805 по 1812 годъ. Онъ подробно изучилъ эпоху и людей; онъ прочелъ все что могъ тогда найти объ этой войнѣ. Изъ изученныхъ имъ произведеній образовалась цѣлая библіотека, относящаяся къ этой, эпохѣ. Онъ далъ намъ въ этомъ романѣ широкія картины жизни русской начала XIX вѣка, онъ изобразилъ войну и военныхъ такъ, что они живыми смотрятъ на насъ, что мы ихъ видимъ, ихъ любимъ или ненавидимъ, что мы понимаемъ войну, увлекаемся ею. Богданъ — полковой командиръ павлоградскихъ гусаръ, Андрей

Болконскій, Друбецкой, Телянинъ, Денисовъ, Ростовъ, Жерковъ, Тимохинъ, Тушинъ, Платонъ Каратаевъ, Лаврушка—да, вѣдь, это не только живые люди, это типы русскихъ военныхъ, это богатѣйшая картинная галлерей портретовъ. Описываетъ ли Толстой мирныя сцены похода, смотры, рисуется ли намъ кавалерійскую атаку, поединокъ батарей, громадное поле сраженія, — онъ всегда вѣренъ правдѣ, исторіи. Въ этомъ романѣ гр. Л. Толстой выше своихъ великихъ современниковъ—Достоевскаго, Гончарова и Тургенева. Его психологія изложена болѣе понятнымъ и красивымъ языкомъ, нежели то дѣлаетъ Достоевскій; онъ глубже Гончарова и Тургенева. Такъ создать типы людей, какъ создалъ ихъ въ „Войнѣ и Мирѣ“ гр. Толстой, могли только міровые гени—Гомеръ, Шекспиръ, Гете. Какъ имена Шейлока, Отелло, Гамлета всегда будутъ вызывать въ мозгу нашемъ опредѣленное представленіе, такъ точно и Тушинъ, Друбецкой, Бергъ, Богданъчъ—всегда дадутъ намъ тотъ же типъ, то же лицо. „Войну и Миръ“ Толстого можно читать сотни разъ. Всякій разъ она рисуется новою и равно прекрасною. И, если мы не забыли славную эпоху Наполеоновскихъ войнъ, какъ позабыли и не помнимъ многого славнаго въ исторіи великой нашей родины, то этимъ мы обязаны почившему величайшему писателю земли русской. Это онъ одинъ сдѣлалъ больше, нежели тысячи музеевъ, сотни присяжныхъ историковъ. Его книги дали живой памятникъ войны, дали яркую картину, которая никогда не истлѣетъ, краски которой никогда не потемнѣютъ. Но,—если бы онъ далъ одинъ романъ „Войну и Миръ“! Черезъ пять лѣтъ, въ 1874 году, онъ подарилъ русскому обществу другой громадный романъ—„Анну Каренину“. И опять сказался великій художникъ. Онъ сумѣлъ изобразить жизнь петербургской бюрократіи, потомъ деревню уже послѣ освобожденія крестьянъ, новыхъ помѣщиковъ, жизнь офицера не на войнѣ, а въ свѣтѣ, скачки, ружейную охоту такъ, что видишь и точно узнаешь людей.

И онъ оставилъ насъ. Нѣтъ больше величайшаго изъ русскихъ людей и величайшаго человѣка на землѣ. Но вѣчно будетъ живъ онъ въ памяти міра и родного народа, и вмѣстѣ съ бессмертной памятью о немъ да не покинетъ Россію тотъ божественный Духъ, носителемъ котораго былъ почившій геніальный поэтъ и мудрецъ...

